БАХУС И АПОЛЛОН

Почему-то принято думать, что среди художников много пьяниц. Поверьте, их ничуть не больше, чем среди поэтов, артистов, музыкантов, и гораздо меньше, чем среди слесарей-сантехников старшего поколения.

К сожалению, все творческие профессии имеют дурацкие богемные традиции. Сколько талантов они погубили! Так что тема эта неисчерпаемая, но не смешная.

Вспомнилась забавная история времен раннего импрессионизма. Старые художники-барбизонцы пригласили одного из молодых импрессионистов в свой любимый Булонский лес на этюды. Лес этот был изрисован ими со всех точек зрения.

Шли они по лесу и показывали молодому коллеге: «Вот отсюда написан такой-то холст, с этой точки — такая-то картина, теперь она находится в Лувре...»

То и дело художники останавливались. Они запускали руку то в дупло, то под корягу, а то вдруг открывали в замшелом пне потайную дверцу. И везде из тайников извлекались заветная бутылочка и стаканчик.

Художники говорили тосты за пленэрную живопись, которой посвятили свою жизнь. Так, двигаясь от тайника к тайнику, они обошли лес и выбрались из него почти на четвереньках.

Написал и подумал: «Все-таки французы слабее русских пьяниц». Наши бы, скорее всего, не вышли из этого леса.

Вот пример серьезного русского отношения к делу.

Художника Волкова пригласили сопровождать императора Александра III в поездке по Святой Земле. Император ехал со своей семьей. Поэтому к поездке готовились основательно.

Вперед отправили квартирьеров. По всему маршруту были расставлены палатки с закусками и винами.

На пароход погрузили ослов. Царица и великие княжны должны были тренироваться ездить на них по палубе, чтобы потом передвигаться по пустыне. Все было тщательно предусмотрено. Кроме одного.

Прибыв на корабль, император и художник уединились в каюте и крепко отпраздновали отплытие. Так крепко, что утром решили похмелиться. Ах, помню времена, когда сам выпивал! Скажу по секрету, похмеляться намного приятней, чем выпивать. Очевидно, император и художник знали в этом толк. Похмелились они неплохо.

Очнулись путешественники только тогда, когда их пригласили сойти на берег в Одесском порту.

- Как так! возмутился император. Мы же едем в Палестину!
- Да! поддакнул Волков. Я намерен там рисовать.
- Но мы уже съездили в Палестину и вернулись обратно, виновато развел руками капитан.

Так Волков и не сделал ни одного наброска.

О выпадении памяти вследствие запоя знают все. Хорошо знал об этом и художник Брюллов.

Однажды на Святки Карл Иванович приехал в Москву. Прогуливаясь с друзьями, он зашел в балаган. Над его входом была вывеска: «Панорама последнего дня Помпеи! Только что из Парижа!»

Панорама оказалась грубой копией брюлловской картины. Выходя, Брюллов сказал хозяйке:

- Нет, мадам, Помпея у вас никуда не годится.
- Извините, обиделась мадам Дюше, в Париже сам художник Брюллов осмотрел панораму и сказал, что у меня освещение лучше, чем у него на картине.

Брюллов смутился и молча вышел.

- Почему ты ничего ей не ответил? удивились приятели.
- Да кто его знает... В Париже дело было. Там я не работал, расслабился, загулял... Может, и сказал что-нибудь... Не помню...

Но от вина бывает не только вред. Бывает и польза. И большая!

Преуспевающий голландский художник Давид Бек, ученик Ван Дейка, возвращался из Франции в Голландию через Германию. Ночью в гостинице он внезапно умер.

Хозяин гостиницы попросил слуг художника потихоньку перенести тело в сенной сарай. Зачем расстраивать постояльцев? За эту услугу он пообещал снабдить их вином и закуской.

Сначала слуги выпивали молча. Жаль им было доброго работодателя. Но постепенно вино их развеселило.

- Эх, хороший был хозяин! сказал один.
- И выпить был не дурак!
- Давай напоим его на прощание.

И он капнул вина в полуоткрытый рот покойника. По телу прошла легкая судорога. Это заметили. Капнули еще. Движение повторилось. Тогда они влили добрый стакан. Художник икнул. Сел. И открыл глаза.

— Воскрес! Хозяин воскрес! — раздались крики из сарая. — Божественный эликсир! Целебная сила вина!

Жил художник Давид Бек еще долго. Всю жизнь он отдавал должное спасшему его напитку. Правда, на живопись времени у него почти не оставалось.

в напитку. правда, на живопись времени у него почти не оставалось.
В жизни Винсента Ван Гога спиртное сыграло гибельную роль, но не только гибельную.

Дело в том, что великий голландец любил французский абсент. Напиток этот ныне запрещен. Оказалось, что он вызывает бесплодие. Кроме того, в сочетании с никотином и солнцепеком он способен вызывать галлюцинации, то есть действовать как наркотик. Но во времена Ван Гога об этом не догадывался никто.

Художник, как мог, боролся с приступами нарастающей болезни. Нервы его были на пределе. Однажды он даже отрезал себе мочку уха. Так он наказал себя за приступ бешеной ярости, направленной на друга Поля Гогена.

Кстати, недавно в США обнаружили целое (!) засушенное ухо Винсента Ван Гога. Легенды способны обрастать материальными реликвиями.

Чтобы успокоить нервы, художник пил проклятый абсент, курил трубку, а потом брал этюдник и шел под палящее солнце Арля.

Кончилось это плохо. Побывав дважды в психиатрической лечебнице, Ван Гог выстрелил себе в живот из револьвера.

После смерти к художнику пришла слава. Этому помогла трагедия жизни. Но главное то, что нервная, взвинченная живопись художника соответствовала XX веку. Художник, близкий к нервному срыву, и век, то и дело сползающий в диктатуры и мировые бойни, словно созданы друг для друга.

Только не надо думать, что абсент сделал Ван Гога великим художником. Пьяниц и наркоманов всегда хватало. Они гибнут бесследно. Талант, колоссальный труд на пределе сил и вера в свое призвание — вот ключ к пониманию Ван Гога.

Бахус и Аполлон совсем разные боги.

Таким капризно-жеманным словом принято называть изображение обнаженного женского тела. На самом деле работа натурщицы — тяжелый труд.

Картина пишется не быстро, и между художником и моделью часто устанавливаются добрые, доверительные отношения. Очевидно, позируя обнаженной, женщина невольно начинает раскрываться как человек, внутренне. И здесь очень важны такт и культура художника. Лучше не переводить отношения в обычный флирт. Это часто приводит к банальной, пошлой живописи. Лично знаю нескольких художников, «любителей клубнички». Женщины на их картинах напоминают обертки от съеденного мороженого. От взгляда художника зависит образ.

Фламандский живописец Рубенс любил изображать женские тела пухлыми, сдобными. Его «дамам» уже за сорок. Таким художник видел свой идеал.

Когда Рубенс приехал в Испанию, то сразу подружился с Диего Веласкесом. Два великих художника поняли друг друга с полуслова. Они славно погуляли в испанских кабачках. Рубенсу понравились испанская кухня, вино, испанское солнце и испанские красавицы.

- Какая красивая страна! Какие красивые женщины! Их надо писать обнаженными и немедленно! Вам повезло, Веласкес, что вы испанец!
- Это вам повезло. Вам разрешено писать обнаженную модель, уныло ответил Веласкес.
 - И вы пишите!
- Нельзя. В Испании самая главная «женщина» святая инквизиция. Она запрещает это делать.

Очевидно, Рубенс посочувствовал испанцу. Но запретный плод притягателен. Веласкес без памяти влюбился в артистку и куртизанку Анну. Ему нестерпимо захотелось написать ее обнаженной. Желание было жгучим. Но страх перед инквизицией тоже был немалым.

Веласкее решил подстраховаться. Он долго и увлекательно рассказывал благоволившему к нему королю Филиппу о картинах Рубенса и Тициана: «И фламандцы, и итальянцы воспевают женскую красоту, а мы, испанцы, чем хуже?»

В конце концов король так распалился, что сказал: «Пиши! А в случае скандала я отстою тебя перед святой инквизицией».

Веласкес великолепно написал свою Анну в виде Венеры. Только от скромности или от неизжитого страха написал ее со спины.

Возможно, поэтому картина не вызвала никаких нареканий.

Времена изменились. Во Франции начала XX века «ню» стало ходким товаром. Да и весь мир привык к изображению женского тела. Оказалось, что дело не в том, что изображать, а как и с каким смыслом это делать. Французский скульптор Майоль (1861–1944) любил изображать в виде обнаженного женского тела довольно неожиданные вещи.

Средиземное море у него — сидящая женщина. Река Сена — лежащая женщина. Остров Иль-де-Франс — стоящая женщина.

Земляки Поля Сезанна (1839–1906) решили увековечить память художника. Они заказали памятник Майолю. Тот вылепил обнаженную сидящую женщину. Жители Экс-ан-Прованса не были готовы к такой трактовке памятника. Пришлось установить его в Париже.

Очевидно, не знавшие об этой истории земляки революционного деятеля Луи-Огюста Бланка заказали Майолю памятник.

- Как вы видите памятник революционеру? спросили скульптора.
- Прежде всего я вижу великолепный женский зад...

ПРОБЛЕМЫ КРИТИКИ

Художники осмотрительны. Они избегают критиковать друг друга в глаза. Ты не трогаешь — тебя не тронут.

Но порой неприязнь выплескивается наружу сама собой.

Готовилась очередная выставка Товарищества художников-передвижников. Шла развеска картин.

— Снять! Убрать! Закопать! — кричал, трясясь от гнева, художник Мясоедов.

Вот этот ковер с ушами и этого маляра с мертвечиной!
 Мясоедов указал

на картины Васнецова «Ковер-самолет» и «После побоища Игоря Святославовича с половцами».

С трудом успокоили разбушевавшегося художника. Картины оставили в экспо-

С трудом успокоили разбушевавшегося художника. Картины оставили в экспозиции. Они стали «гвоздем» выставки и принесли Васнецову славу.

Зато самого Мясоедова поругал в статье критик. Мясоедову это было особенно обидно, потому что критик был его близким приятелем.

Зная характер Мясоедова, критик написал ему записку: «Надеюсь, моя критика не будет причиной нашей ссоры?»

«Разумеется, нет, — ответил запиской художник, — но первое, что я сделаю при личной встрече, расквашу тебе нос! Надеюсь, это не послужит причиной нашей ссоры?»

Суриков заканчивал свое полотно «Утро стрелецкой казни».

Пришел Репин. Посмотрел.

— Что убрать? — спросили его.

— Что же у тебя ни одного казненного нет? Казнь все-таки. Хоть одного на виселице повесь.

Суриков послушался. «Повесил». Вошла нянька, глянула на картину и упала в обморок.

Вскоре пришел собиратель картин, меценат, купец Третьяков. Увидел повешенного и возмутился:

— Вы что, решили картину испортить?!

Тут уж сам Суриков испугался и быстро убрал злополучного мертвеца.

— Нет уж! Пусть Репин народ пугает своим «Иваном Грозным, убивающим сына»! Какие милые были времена! Люди падали в обморок от нарисованного покойника.

А теперь смотрят наши дети на настоящие растерзанные трупы по телевизору и ничего. А еще говорят, нет никакого прогресса.

Художник Айвазовский (1817–1900) посоветовал своему коллеге Боголюбову: «Не надо размышлений, не надо проработки композиции. Пишите все сразу. Так получается свежее».

Боголюбов послушался и так бойко принялся за дело, что его свежие, яркие картины стали пользоваться большим успехом. В неделю он стал писать по шесть картин.

— Смотрите, — говорила публика, — это же новый Айвазовский!

Когда дела у Боголюбова пошли совсем хорошо, Айвазовский заволновался.

— Что это вы так небрежны? — спросил мэтр при встрече. — Надо все-таки прорабатывать некоторые детали. И о сюжете, и о композиции тоже надо думать.

Боголюбов послушался и на этот раз. Айвазовский успокоился, так как избавился

от конкурента.

Но искус простотой пошел Боголюбову на пользу. Легкость и мастерство испол-

нения остались с ним.

Кто желает убедиться, зайдите в Дальневосточный художественный музей. Сравните работы Айвазовского и Боголюбова. Выводы сделайте сами.

Айвазовский тоже не избежал нападок критики. Ругали его за легковесность, за повторы. Художник, естественно, обижался. Хотя бывали случаи, он отрезал куски от своих картин и распродавал «море» по частям.

Одному критику Айвазовский сделал выговор:

- Чтобы судить о живописи, надо самому уметь рисовать!
- Позвольте с вами не согласиться, уважаемый Иван Константинович, с усмешкой ответил критик. Вот вы, например, в качестве яичницы разбираетесь, но яйца не несете. Я даже думаю, что в яйцах вы разбираетесь лучше любой курицы.

Далась критикам эта яичница! Когда Карл Брюллов впервые показал свою «Гибель Помпеи», она была встречена в штыки старыми академиками. Они считали картину слишком яркой и несуразной.

— Это не живопись, — кричал один старичок, — это яичница!

Критика критике рознь. Художники очень ценят дельный совет. Большое счастье иметь друга, способного указать на недочеты и ошибки в твоей картине.

СЛУЧАИ И КАЗУСЫ

С художниками порой случаются события из ряда вон выходящие и даже дурацкие. Может, потому, что они очень доверчивы и наивны?

Амедео Модильяни, например, увлекался предсказаниями Нострадамуса.
— Скоро настанет время: всех хороших людей будут ссылать на полюса. Одних —

— Скоро настанет время: всех хороших людей оудут ссылать на полюса. Одних — на Северный, других — на Южный, — говорил он, тыча пальцем в книгу.

Однажды он дал русскому поэту Эренбургу попробовать гашиш. Никакого особого воздействия от наркотика тот не испытал. Но, придя домой, поэт полез в шкаф и вместо носового платка достал... сырую котлету. Кроме того, в шкафу оказались дамское кружевное белье, коньяк и духи.

«Кажется, начинается, — подумал Эренбург, — будь проклят Моди со своим дурацким гашишем!»

Ночью поэта преследовала трупная вонь. Утром он обнаружил благоухающий сыр под лестницей. Эренбург пожаловался хозяину. Тот вызвал полицию. Вещи забрали. Веле-

ли зайти после обеда в комиссариат для подписания протокола. Эренбург был расстроен. Узнав об этом, художник очень оживился: «Да? В комиссариат? Тебя, Илья, скоро посадят и обвинят в желании взорвать Париж! Тебя сошлют на Южный полюс! У

Нострадамуса все точно написано!» Но надежды Модильяни не сбылись. Оказывается, соседи поэта обворовали магазин. И решили украденное спрятать в номере русского поэта. Благо, что тот часто отсутствовал, а ключ торчал в замочной скважине.

Виктор Васнецов (1848–1926) для «Русалки» в Частной опере Саввы Мамонтова разрабатывал эскизы костюмов. Актер, исполняющий роль мельника, не захотел надевать «лохмотья». Он сам подобрал себе костюм поприличнее. Поймали его перед

самым выходом на сцену.
— Это не мельник! Это официант! — ахнул Мамонтов. Васнецов как коршун налетел на актера. Он в клочья изорвал его костюм, сорвал парик, всклокочил волосы и обсыпал мукой. Беднягу волоком протащили до сцены и вытолкнули на суд публики. Зал взорвался аплодисментами. Аплодировал даже великий князь в своей ложе.

Мельник диким взором обвел зал и запел:

— Какой я мельник... Я — ворон...

Василий Суриков написал картину «Степан Разин». Мрачный Степан думает думу. Гребцы мерно взмахивают веслами.

— А где княжна?

— Да, где княжна, которую он сейчас бросит за борт?

Суриков честно ответил, что княжна в его картине не предусмотрена. Публика ушла разочарованная. Тогда художник придумал хороший ответ.

— А где княжна? — спросили его новые посетители выставки.

Художник показал пальцем:

— Видите круги на воде? Вот где она, бедняжечка княжна...

Этот ответ публику удовлетворил полностью.

Сурикова пригласил в гости князь. На приглашении значилось: «Дам просят быть в вечерних туалетах, мужчин — во фраках».

— Мало им Сурикова, им еще фрак подавай, — возмутился художник. Он упаковал фрак в коробку, вложил в нее визитную карточку и отправил к князю. Пусть любуется.

Исаак Левитан был очень влюбчив. Однажды он влюбился во взбалмошную дамочку, которая всех старательно очаровывала. А потом вдруг пожаловала в гости со своим богатым ухажером. Левитан очень обозлился. Он подошел к незваному гостю и сказал: «Какая гадость! От вас пахнет помадой».

— Это не помада, — смутился богач, — это мне доктор прописал средство для ращения волос.

Левитан схватил сырое яйцо и раздавил его на лысеющей голове гостя.

- Растирайте! Вот от чего волосы растут. Растирайте! Растирайте!
- Вы думаете, поможет? Но нельзя же так, при гостях, прямо на голову... вяло запротестовал гость. Но все-таки со смиренным видом размазал яйцо по голове.

Левитану стало весело. Он почувствовал себя отомщенным. А вечером в его комнату вдруг постучали.

— Можно? Вы не спите? Я хотел спросить, это что же, каждый день голову яичком мазать надо?

Скульптор Сергей Коненков (1874—1971) очень бедствовал. Шел революционный 1920 год. Денег не было ни копейки. Как жить? Но вот однажды Коненкову приснился сон: из всех щелей лезут цветные тараканы. Ему объяснили, что сон этот к деньгам. Коненков пошел в скульптурный цех. Рабочие подтвердили: тараканы — к деньгам.

Коненков ободрился. И точно, в этот же день с ним неожиданно рассчитались за давно приобретенную скульптуру. На радостях скульптор отправился в ресторан и основательно выпил с приятелем. По дороге он подошел к красноармейцу, стоящему на посту.

- К чему снятся тараканы? спросил он заплетающимся языком.
- Какие тараканы? часовой передернул затвор.

Скульптор с приятелем оказались в ЧК. Спасла их случайность: у собутыльника Коненкова оказалась бумажка, удостоверяющая, что податель сего сапожник, то есть пролетарий. Заодно с ним отпустили и сновидца.

Художник Жак-Луи Давид во время французской революции был депутатом Конвента. Одной из его обязанностей было устройство революционных праздников в Париже.

Революционеры провозгласили в стране атеизм. Давид организовал изготовление огромного картонного чучела, изображавшего Религию. Чучело сожгли. Довольно скоро лишенный веры народ начал бесчинствовать. Революционеры испугались. Давид изготовил чудовищное изваяние Атеизма. Собрали народ и торжественно сожгли этот картонный символ.

- А если не поможет? спросили у художника.
- Ну что же, сожжем что-нибудь еще… ответил тот.

Однажды великий итальянский художник Джотто (1267–1337) шел со свитой своих учеников по площади. Из-за угла выскочила свинья и сбила маэстро с ног. Когда ученики бережно подняли учителя, тот философски сказал:

— Она права. Я — неблагодарный болван. Сколько картин написал я кистями из свиной щетины! И ни разу не поставил ни одной хрюшке миску помоев.

Этот бесхитростный, добрый художник перевернул европейскую живопись. Он стал строить на плоскости реальное пространство. Правда, глубина его была совсем невелика. Но это был прорыв в иное измерение. Как и всякое великое открытие, это событие поняли немногие. А по-настоящему оценили только спустя века. Джотто — художник, соединивший в себе средневековье и искусство нового времени. В его вещах есть мощь и тайна.

О ПОРТРЕТЕ — СИЛЕ ИСКУССТВА

Портрет несет в себе тайну. Он результат встречи двух людей. Потом присоединяется третий — зритель. Замечено, что у художников-бабников все женщины выглядят очень аппетитно. Злые художники наделяют персонажей своей злостью. Гордые —

я как-то давно в больнице и по своей привычке рисовал больничный народ. Нарисовал вечером старушку, вяжущую носок, а утром узнал, что носок довязывать некому. Ночью старушки не стало. После завтрака вышел я со своей папочкой. Решил нарисовать бравого дедушку с усами. Только приступил — дедушка подхватился и — шмыг в палату. Развернулся я к двум болтающим полным дамам. Не успел линии провести, те переглянулись и бежать. Скоро распугал весь коридор. Я маленький художник, сугубо местного масштаба. У великих художников сила кисти помощнее. Об Илье Ефимовиче Репине, в этом смысле, ходили легенды. Написал он портрет Мусоргского. Вскоре не стало великого русского композитора. Написал портрет Тютчева. Умер поэт-мыслитель. Заказали ему портрет Писемского — та же история. Написал актрису Стрепетову — похоронили. Многие стали ему говорить: «Илья Ефимович, сделай мне приятное, напиши портрет Столыпина, замучил он всех своими реформами». И что вы думаете? Заказывают Репину портрет Столыпина. Тот пишет. Столыпин едет в Киев. Идет в театр. Звучат роковые выстрелы террориста. Не стало великого реформатора. Народ не обманешь. Он быстро понял, что к чему, и соединил разрозненные и, по сути, несвязанные факты. Поэтому, когда Репин поехал на Украину, чтобы написать портрет художника Ге, тот категорически отказался. Репин стал его убеждать: «Все это случайности и предрассудки!» А Ге ни в какую! «Да ты что, дорогой Николай Николаевич, дикарь, что ли?!» «Дикарям тоже жить хочется», — ответил непреклонно Ге и поджал губы. Очевидно, он и, правда, трусил позировать. Но у меня есть своя версия. Дело в том, что Репину очень не понравилась картина Ге «Что есть истина?». И Репин со свойственной ему прямотой громогласно об этом заявил. Ге изобразил разговор Христа и Понтия Пилата. Пилат выглядит как сытый, тупой солдафон, а Христос ни дать ни взять сегодняшний наш бич. Грязный, рваный, всклокоченный, глаза исподлобья. Никакой это не Христос Богочеловек, а жалкий замухрышка. Пилат, по словам Репина, тычет в него пальцем и говорит: «Посмотри, на кого ты похож! Иди хоть причешись!» Можно предположить, что добрые люди донесли Ге о шутке Репина. И он не захотел позировать. Обиделся. Репин написал множество портретов. Поэтому и случаев забавных было немало. Однажды он загорелся создать образ поэта Велимира Хлебникова. Поэт мрачно ответил: — Меня уже рисовал футурист Давид Бурлюк. Затем немного помолчал и пояснил: — В виде треугольника. Потом немного подумал и добавил грустно: — Но вышло, кажется, не очень похоже. Когда Илья Ефимович поехал писать народные типы в поволжскую деревню, местные жители, никогда не видевшие художника, приняли его за колдуна. Репину приглянулся кладбищенский сторож. Колоритная, лохматая личность. Посиди. Я тебя нарисую. — Сорок рублев! — Да ты что?! — возмутился художник. — Я больше полтинника за сеанс никому Знаем мы твои сеансы. Скоро Страшный Суд. Сличат мою личность с твоей картинкой и запишут в армию сатаны. Сорок рублев! За полтинник я душу не отдам! Среди устаревших лозунгов прошлого есть один особенно глупый: «Искусство принадлежит народу». Оно принадлежит тому, кто его любит и понимает. Пошел както Репин писать этюд на реку. Увлекся. День пишет. Второй пишет. Третий. И каждый

гордостью. Умные, одухотворенные поднимают портретируемых до своего уровня. Сколько жаловался Валентин Серов на глупость великосветских дам! Как он не любил их рисовать! А на его портретах они прекрасны. И в глазах явно просматривается ум! Но это не их ум, а Серова. Иного человека рисуешь, рисуешь, ну не идет работа, и все! Не собирается образ. Это модель стесняется, нервничает и ставит преграду. Зажим портретируемого становится зажимом художника. Надо как-то расположить человека, отвлечь его. Иначе ничего не выйдет. Портрет — это взаимное проникновение. Это очень близкое общение. Не менее близкое, чем под общим одеялом, но совсем на другом уровне. У публики есть предрассудки, связанные с портретом. Помню, лежал

- день за ним наблюдал издали пастушок. Глаза его горели от восторга. Репину это, конечно, было приятно. Народ в лице пастушка признал его творчество.
- Что ты там стоишь? Далеко. Ничего не видно. Подойди ближе, позвал художник.
 - Больно красиво, ответил пастушок.
 - Ну иди сюда. Посмотри.
 - Красиво.
 - Что красиво?
 - А блестит, и пастушок показал на крышку этюдника, покрытую лаком.

Илья Ефимович очень любил голландского художника-портретиста Франца Хальса. Ему была близка его смелая, хлесткая манера лепки формы мазком-ударом. Обучая студентов, Репин брал у них кисть и показывал, приговаривая: «Вот так надо — по форме. Вот так — по форме». А заканчивая показ, говорил кокетливо: «Впрочем, сам я так не умею». Умел, и великолепно. Кто сомневается, может сходить в Дальневосточный художественный музей и взглянуть на подлинники репинских портретов.

С кумиром Репина Хальсом тоже случались забавные истории. Он был набожным человеком. Ученики знали, что всегда, укладываясь в постель, независимо от того, на каком он был градусе, художник произносил молитву: «Господи Боже, забери меня скорее на небо!» Ученики решили частично исполнить мечту маэстро. Они просверлили в потолке четыре дырки. Продели в них веревки. Привязали их к спинкам кровати. Когда слегка перебравший пива Хальс улегся в постель и попросился на небо, кровать стала медленно подниматься. — Стой! Стой! — заорал перепуганный художник. — Ты неправильно меня понял, Господи! Не так скоро, Господи!

Придумал этот трюк с кроватью Адриан Врувер. Художник он был талантливый, но вечно страдал из-за отсутствия денег. У него не было даже приличного платья. И друзья чурались оборванца. Но однажды он подзаработал и приоделся. Его тут же пригласили в гости.

- За новое платье художника Врувера! За его безупречный вкус! восторженно встретили художника почитатели и зазвенели бокалами. Врувер выпил. Потом взял и опрокинул на себя соусницу да еще размазал соус рукой.
- Пригласили все-таки меня, а не тебя, обратился он к костюму, а то ты, дружище, что-то много о себе возомнил.

Однажды Франца Хальса решил посетить великий фламандский художник Ван

Дейк. Знали они друг друга только по картинам. Лично не встречались. Ван Дейк решил пошутить. Хальса он дома не застал и представился его жене как знатный, богатый путешественник, который хочет заказать Хальсу свой портрет. Жена послала сынишку в пивнушку за отцом. Хальс, не торопясь, выпил еще три кружки пива, не торопясь выкурил трубочку и нехотя пошел работать. Они поторговались. Поскольку Ван Дейк предложил хорошую плату, Хальс оживился и в один сеанс написал прекрасный портрет. Ван Дейк восхитился и сказал: «Как просто! Гораздо проще, чем я думал. Пожалуй, я так тоже смогу. Давайте поменяемся ролями». Хальс хотел возмутиться. Но потом решил посмеяться и дал «заезжему нахалу» холст и краски. Работа началась. Хальс смотрел и все больше изумлялся: «Быть такого не может! Да что же это такое! Э, да ты ведь Ван Дейк!» Художники обнялись и только тогда по-настоящему встретились.

ЛЕЧЕБНАЯ ЖИВОПИСЬ

Надеюсь, вы не верите, что портрет может принести вред натурщику? Самое большое, на что он способен, это испортить настроение, если не понравится. Есть прямо противоположная теория, утверждающая, что картины могут лечить. Сколько здесь правды, сколько шарлатанства, не берусь судить. А вот художник Анри Матисс не только внешне походил на доктора (его часто за него принимали), но был твердо

уверен в лечебной силе своих картин. Однажды заболел друг Матисса художник Альбер Марке. Матисс пришел к нему с кипой своих холстов и сам развесил их по стенам:

— Ни о чем не волнуйся. Лежи и смотри. Мои картины тебя вылечат.

Марке действительно скоро поправился и жил еще долго. Была ли в этом заслуга Матисса? Не знаю. Можете проверить сами. Случится вам прихворнуть, возьмите альбом Матисса и перелистайте не торопясь. Вдруг поможет? Гармоничная, радостная живопись всегда на пользу. Во время самого разгула горбачевской перестройки в одном из музеев Хабаровска выставил свои картины врач-художник. Он уверял, что может излечить любую болезнь. Приходи с диагнозом, выбирай соответствующую картину и излечивайся. Мне лично его картины показались невзрачными. Вообще никакими. Может, почки, печень и селезенка другого мнения? Кто их знает? Перед самым своим отбытием из Хабаровска лекарь-художник на минуту заскочил в мою мастерскую. Он глянул на картины, развешанные по стенам. Ткнул в одну из них пальцем и сказал: «Эта зеленая картина — лечебная». Он очень торопился на самолет, и я не успел узнать, что она лечит, в каких дозах на нее надо смотреть. На выставке я ее так и назвал: «Зеленая лечебная картина». Только не мог я объяснить, от чего она лечит. Может, от мигрени, может, от радикулита, а может, от геморроя? После выставки я спрятал ее на всякий случай на антресоль, с глаз подальше. Смотришь на нее, смотришь, а она действует. Насмотришься, а потом вдруг уши отвалятся.

Есть в Хабаровске художники-оккультисты. Они же биоэнергетики и контактеры. Вот эти шарлатанят самым искренним образом. Они верят, что контактируют с космосом и лечат с его помощью. Могу судить «о контактах» только по картинам. Я человек впечатлительный, и, когда вижу их спирали и загогулины, нарисованные самыми ядовитыми цветами, мне мерещится тихий, мерзкий визг. Словно в ухо залетел комар. Уж больно больные лечебные картины у них получаются.

ТАЙНЫ ЦВЕТА

В XIX веке два человека независимо друг от друга сделали открытие, позволившее

научно обосновать некоторые законы живописи. Делакруа и Гете открыли и исследовали дополнительные цвета. Однажды Делакруа писал желтую драпировку. Бился, бился. Ничего не выходит. Желтый цвет не звучит. Отчаялся он и решил поехать в Лувр. Посмотреть, как писали желтое мастера прошлого. Вышел он на улицу. Подкатила карета. Она оказалась желтой. Вместо того чтобы сесть, Делакруа уставился на тень под каретой.

— Так вот в чем дело! — воскликнул художник. — Вот в чем тайна звучания цвета! А я простодушно малюю желтое желтой краской! Что же увидел Делакруа? Тень под желтой каретой стала ярко-фиолетовой. Если бы

карета была красной — тень стала бы зеленой. Только использовав дополнительный цвет, можно усилить звучание основного. Таково свойство нашего зрения. Можете сами проверить: рядом с зеленой травой желтый песок кажется красным. Много лет объясняю я принцип использования дополнительных цветов студентам. Они слушают, но продолжают работать по-старому. Наверное, к ним еще не приехала их желтая карета...

мужчины и женщины

Художника Эдварда Мунка и писателя Августа Стринберга сблизило увлечение оккультизмом и ненависть к женщинам. Причем Мунк скорее боялся женщин, а Стринберг терпеть их не мог до дрожи. Мунк решил написать портрет друга. После первого сеанса писатель спросил с гневом: — Что это значит?

— Да ничего, — ответил художник.

Фон портрета пересекали волнистые линии, в которых при желании можно было усмотреть женскую фигуру.

- Я не желаю, чтобы на моем портрете была женщина! заявил писатель. На следующий сеанс он пришел с револьвером. Он положил револьвер перед собой на стол и пристально посмотрел в глаза художнику.
- На этот раз, сказал он, отчетливо произнося каждое слово, попрошу без вольностей!

Портрет Мунк закончил, но дружба двух приятелей испарилась. Зато импрессионист Ренуар так любил женщин, что однажды заявил: «Если бы Господь не создал женской груди, я бы не занимался живописью!»

Один приятель донимал его ненужными советами: — Сделай, дорогой Огюст, еще пару мазков — и картина будет закончена.

- У меня свой метод судить о законченности картины.
- И какой же?

— Все просто. Если я испытываю желание хлопнуть нарисованную даму по заднице — значит, ничего добавлять не нужно.

Ренуар, как и наш Серов, не любил рисовать дам из общества. Он терпеть не мог их «философской» болтовни и умничания. Женщины на его картинах всегда смазливы и наивны, как пятилетки. Женский ум он считал излишеством. Однажды Ренуар писал жену хозяина гостиницы. Писал и злился. На лице женщины отражалась мощная работа мысли. Наконец художник не выдержал: — О чем вы думаете?!

— Ах, месье, я думаю: вот я здесь сижу без дела, а, может быть, на кухне чтонибудь подгорает!

Ренуар успокоился.

в конце жизни

Жизнь печальна, потому что она коротка. По этой же причине она прекрасна. Мой хороший знакомый, заслуженный художник России Григорий Степанович Зорин, в своих последних работах обрел удивительную свободу и силу звучания цвета. Радость сквозила в его работах. Теперь художник болен. Несколько лет он не берет в руки кисть. Я посоветовал ему попробовать поработать дома хотя бы гуашевыми красками.

— Да нет, — ответил он, взглянув на свои больные руки. — Ты знаешь, я и так каждую ночь во сне рисую. Утром даже помню некоторые свои картины. Красивые получаются. Недавно случайно задел и размазал мастихином красивый кусок... Проснулся с такой досадой...

Настоящий художник намертво срастается со своей работой. Он просто не может жить без творчества. Но с годами уходят силы, здоровье... Анри Матисс, король чистого цвета, стал в старости слепнуть. Он испугался, что не сможет больше зарабатывать живописью. И решил учиться играть на скрипке. В качестве первого гонорара он послал учителю свой рисунок с запиской: «За мои фальшивые ноты». С фальшивыми нотами у Матисса было очень хорошо. Учитель то и дело хватался за голову: — Анри, Анри! Что вы играете! Может, у вас в ушах вата?!

 — Понятно, — вздохнул прижимистый Матисс, — вы хотите получить еще один рисунок.

Знаменитый скульптор Огюст Роден под старость стал разбивать свои не слишком удачные вещи молотком и продавать отдельно руки, ноги, головы. Однажды он расколотил очередную свою вещь и сидел в мрачной задумчивости в позе своего «Мыслителя». Он пытался придумать красивое название для каждого обломка.

- А может, не мучиться, предложил ему приятель, назови руку рукой, ногу ногой, голову головой.
 - Нет, ты ничего не понимаешь! Это слишком просто.

Через несколько лет силы совсем оставили Родена. Но он не сдавался и придумал рационализацию. Он заказал гипсовые отливки торсов, рук, ног, голов, которые со-

единялись с помощью пазов, в которые набивалась мятая газетная бумага. Роден сидел в кресле и командовал:

— Так, возьмите эти руки и приставьте к этому торсу, пусть они обнимают этот торс. Этот торс будет мужской. Этот — женский. Ноги влево, голову на плечо. Очень хорошо. Теперь осторожно несите мою идею в цех и выполните ее в мраморе. Осторожнее! Осторожнее!!!

Хлипкое сооружение в руках напуганного скульптора-исполнителя рассыпа-

— Ты погубил мой гениальный замысел! Ты уволен! — возмущался старый скульптор-классик. Печально, когда желание творить осталось, а сил уже нет. Отрадно, что в лучших вещах Родена запечатлелся его полный дерзкой силы творческий импульс. Мы перелистали вместе несколько страниц книги о забавных случаях с художниками. Эти невыдуманные истории доносят до нас нечто важное о людях, посвятивших свою жизнь созданию изображений. Истории эти позволяют увидеть художников живыми. Художник — человек, смотрящий на жизнь с интересом. Его призвание — удивляться привычному. Пока мы удивляемся — мы живем.

о сходстве

- Смотри, как похоже!
- Нет, не похоже. Тут столба нет.

Подобные суждения порой услышишь на этюдах. А когда рисуешь портрет, тоже от замечаний не избавиться. «Похож, но характер не поймал». — «Разве это я? Это мой нос?!»

Сходство — не эстетическая категория. Можно, к примеру, нарисовать очень похоже, но и очень противно. А бывает, что художник намеренно все исказит и получится шедевр.

Микеланджело Буонарроти вырубил из мрамора фигуру деда Козимо Медичи, правителя Флоренции. Он изобразил его статным красавцем, хотя на самом деле тот был горбуном.

- Ага! обрадовались недоброжелатели Непохож! Непохож!
- Да кто вспомнит об этом через пятьсот лет? резонно возразил им скульптор. И оказался прав.

Прошли назначенные пятьсот лет. Для всех Медичи — задумчивый, рослый атлет. А его реальный горб давно истлел в мраморном гробу.

В портретах, написанных Амедео Модильяни, есть странность. Часто его герои лишены глаз. Веки есть, они открыты, а глаз нет.

лишены глаз. Веки есть, они открыты, а глаз нет. Философу Леопольду Сюрважу повезло. Один глаз Модильяни ему все-таки на-

философу леопольду Сюрважу повезло. Один глаз модильяни ему все-таки нарисовал, второй оставил пустым.

- Почему? спросил философ художника.
- Одним глазом ты смотришь на мир. Другим внутрь себя. Впрочем, если ты сумеешь продать этот портрет, я нарисую тебе другой. С двумя глазами.

Вот, оказывается, в чем дело! Позируя, люди думают о своем. Уходят в себя. Их внутреннее зрение путешествует по уголкам души. Это и пытался передать Модильяни, разворачивая глаза героев таким небывалым образом.

разворачивая глаза героев таким неоывалым ооразом.

Степень условности в искусстве может быть различной. Ведь никого не удивляет,

что в литературе есть документальный очерк и есть сонет.

Однажды к Пабло Пикассо пристал зануда:

- Рисовать надо похоже. Как в реальности. У вас все непохоже, утверждал он.
 - Приведите пример, как надо, попросил художник.
 - Вот, критик извлек из кармана фотографию, это моя жена.
 - Она на снимке такая, как в реальности? спросил художник.

- Абсолютно.
 - Вы хотите сказать, что она такая маленькая, плоская и не цветная?

Справедливости ради надо признать, что Пикассо порой довольно жестоко обходился со своими моделями. Рисуя несколько раз одну симпатичную американку, он делал ее все более и более неузнаваемой и неприятной. В последнем варианте он развалил образ на отдельные плоскости.

— Да это же какая-то свинья в кубе! — стала смеяться публика.

В результате возник термин «кубизм».

Почему так обошелся Пикассо со своей моделью? Есть версия, что он почувствовал свинский характер красавицы и обнажил его. Но мне думается, что у этого художника была скрытая страсть к разрушению. Он дал себе волю и получил удовольствие. Есть люди, которым нравится ломать и коверкать. Если они вместо кистей возьмут нож или пистолет, то окажутся в тюрьме. Пикассо был страстным, яростным человеком. Взрыв, а не художник! Потому форма под его напором взрывалась и разлеталась на плоскости.

Однажды с Пикассо произошел странный случай. Он написал портрет поэта Аполлинера. На его висок он зачем-то поставил красное пятно. Зачем? Объяснить Пикассо не мог.

Вскоре началась Первая мировая война. Поэт ушел на фронт и был ранен осколком в тот самый висок.

Случайность? Возможно. Но подобных случайностей с художниками происходило немало.

Вечность включает в себя и прошлое, и будущее. Они существуют одновременно, как пространственные планы на пейзаже. Возможно, работая, художники порой так настраивают свое внутреннее, духовное зрение, что начинают видеть завтра.

ХУДОЖНИКА ОБИДЕТЬ МОЖЕТ КАЖДЫЙ

Обидчивость связана с тем, что автор и картина — одно целое. Что ни скажешь о картине, автор обязательно соотнесет с собой. Тут и плюху получить недолго.

Много лет назад случилась забавная история. Хабаровские художники открыли в Комсомольске выставку. Назад возвращались на автобусе. В дороге пришлось несколько раз останавливаться. Отдельным мастерам кисти неудержимо хотелось набить друг другу морду. Выходили. Били-колотили и ехали дальше. Просто в пути шло обсуждение выставки.

История забавная, но печальная. Потому что нет уже этих драчунов на белом свете. Где теперь их большие страсти и амбиции?

Иногда художников обижают заказчики. Они думают, что это право дают им деньги.

— Нарисуй мне здесь зайца, — приставал к гениально-наивному Нико Пиросмани заказчик-духанщик.

Он хозяин. Зайца захотел. Пусть будет.

- Зачем тут заяц? возмущался Нико.
- Нарисуй для моего уважения.

Другой духанщик объяснял художнику, как надо изобразить сбор винограда. Какие должны быть быки, какие бурдюки.

— Что ты здесь торчишь? Уходи! Мне на тебя смотреть или на свою картину?

Но духанщик уже считал картину своей и требовал:

- Бурдюков поменьше, быков побольше.
- Какой у тебя может быть вкус?! вконец обиделся Нико. Ты торгаш. Вот и сиди за прилавком.

Он бросил кисти и убежал.

Точно такая же история случилась с Валентином Серовым. Только обиделся он на венценосное семейство.

Художник уже написал несколько портретов великих князей. Особенно ему удался портрет Николая II. Портрет этот долго прятали, а теперь выставили в Третьяковке. Меня поразили прекрасные глаза царя. В них была судьба. Ощущалось, что ее сокрушительные волны близки. Как это удалось передать Серову?

Сам художник ценил этот портрет и внес его в список своих лучших работ.

Ему также был заказан портрет императрицы. После первого сеанса она подошла к мольберту и заметила:

— Тут слишком широко, здесь пониже, а тут поднять...

Словно платье портному заказывала. Серов сначала опешил, а потом с поклоном подал ей свою палитру:

— Вот, ваше величество. Раз вы умеете рисовать, сами и пишите. А я слуга по-корный...

Императрица вспыхнула. Обиделась и ушла. Супруг — за ней. Успокаивать. Потом вернулся к Серову.

— Валентин Александрович, голубчик, вы уж извините за вмешательство...

Царь пытался смягчить конфликт. Но у него это всегда плохо получалось.

Больше Серов никого из царской фамилии не рисовал. Из принципа. Жаль, конечно. Очень забавно отреагировал на критику Сальвадор Дали. Часть художников считала его картины профанацией. Они решили его заклеймить. Для этого его пригласили на

публичную дискуссию.
— Только приготовьте аргументы в свою защиту повесомее, — предупредили они

сюрреалиста.

Все собрались в назначенное время. На сцене установили холсты, которые должны были подтвердить правоту критиков. Все было готово. Не было только самого Дали.

— Он испугался!

— Конечно, испугался и не придет!

Критики были готовы праздновать победу, но тут раздался жуткий грохот. На сцену сверху опускался живой бегемот. Он раздавил часть выставленных картин. Потом медленно поднялся наверх, тут на сцену вышел Дали:

— Господа! Вы просили аргументов повесомее. Я вам их предоставил. Мой бегемот сильнее. Посмотрите, что стало с вашими картинами. Ваше искусство растоптано.

Особой обидчивостью отличился Жак-Луи Давид. Когда он не получил медаль на конкурсе, то решил умереть.

— Уморю себя голодом, — решил художник, — пусть знают, как обижать гения! Потом они пожалеют. Потом раскаются!

Проголодав два дня, художник стал громко стонать от тоски и голода. Соседям это не понравилось. Они вызвали домовладельца.

— Месье Давид! Месье Давид! Откройте!

Художник продолжал стонать.

Добрый хозяин побежал в академию и пригласил одного из членов жюри.

— Сударь! Вам не стоит умирать! — закричал профессор через дверь. — Вы умрете, и никто не узнает, что вы талантливее всех!

Давид примолк.

— Да! Да! Никто не поверит, что вы гений!

Дверь открылась.

— Вы правы, месье! — сказал Давид. — Как же я не подумал, что мои соперники будут радоваться, если я умру.

Свой характер Давид показал во время французской революции и после нее. Он с готовностью поставил свою подпись под решением конвента о казни Людовика XVI. Он требовал сожжения всех портретов королей, принцев и принцесс всех времен. А после революции сам писал помпезные портреты императора Наполеона. Папу Пия VII он писал, стоя перед холстом на коленях. Так пожелал папа римский. Для человека карьеры гордость — вещь гибкая.

СЕРДЦЕ ХУДОЖНИКА

Кто-то назвал художников глазами человечества. По аналогии: музыканты — уши, а философы, наверное, мозги?

Думаю, дело не в глазах. Дело в сердце. Художник должен передать свои мысли и чувства другим людям. Они должны их принять и пережить. Если у твоей картины никто никогда не засмеялся и не заплакал, зачем ее было рисовать?

Очень трогают душу картины Левитана. Почему? Мы ощущаем волнение художника.

Левитан был гением светлой грусти. В молодости он упрашивал своего друга Константина Коровина:

- Костя, почитай что-нибудь грустное.
- Зачем это? с подозрением спрашивал тот.
- Мы найдем настроение... Это так хорошо, так печально, а ведь душе так нужны слезы, убеждал Левитан проникновенно.
 - Ага, опять, значит, будешь реветь?
 - Не реветь, Костя, рыдать!

Очень чистое и доброе сердце имел художник Анри Руссо. Коллеги над ним часто подшучивали, а он смотрел на них ясными глазами.

Однажды Поль Гоген от имени влюбленной дамы написал Анри Руссо письмо. Он назначил свидание. Сам напялил розовое платье, прикрыл зонтиком бородатое лицо и стал ждать на углу, как было условлено. Представьте, как он ржал над бедным обманутым Анри! И что? Руссо вновь и вновь попадался на удочку Гогена. Он поверил рыжему насмешнику, что его пригласил на банкет президент Франции и помчался на Елисейские поля. Там так активно стал рваться во дворец, что к воротам вышел сам президент: «Анри, ты без фрака. Видишь, какая публика сегодня собралась. Приходи в следующий раз».

Почему же Руссо был так доверчив? Почему его сумели втянуть в финансовую аферу и чуть-чуть не посадили в тюрьму? Да потому, что он сам не умел лгать и верил всем напропалую. Имея большое и доброе сердце, он не мог поверить, что кто-то может получить удовольствие от вранья и издевательств.

Руссо любил людей. За его небогатым столом часто собиралось по пять-шесть нищих. Руссо кормил их обедом и играл им на скрипке свои сочинения. Друзья над его музыкой потешались. Но после смерти художника узнали, что за некоторые свои опусы Руссо получил премию Музыкальной академии. Картины примитивиста Руссо сейчас украшают лучшие музеи мира. Любовь и наивность давали Анри веру. Он так верил в свою живопись, что падал в обморок от запаха нарисованных им цветов.

Анри любил ночевать в своей мастерской. Его спрашивали, не мешает ли запах красок. — Нет, — отвечал художник, — мне приятно неожиданно проснуться и улыбнуться

— Нет, — отвечал художник, — мне приятно неожиданно проснуться и ульюнуться своим картинам.

В наше время многие художники утратили доброту и сердечность. Они увлечены новыми теориями. Поэтому рисуют не сердцем, а умом. Вещи их не кажутся живыми. Они сделаны, а не рождены.

толстой, толстовцы и художники

Скульптор Паоло Трубецкой родился в Италии, но был сыном русского князя и англичанки. Его считают импрессионистом в скульптуре. Трубецкой был очень талантлив и прост одновременно.

Он выполнил два скульптурных портрета Льва Толстого. Они очень понравились писателю.

— Вот ему я позволяю заниматься искусством, — милостливо разрешил Толстой. — Кстати, вы меня читали?

 Граф, из ваших произведений читал только одно — «О вреде табака». Хотел бросить курить. Не помогло. Решил больше вас не читать.

Толстой вручил Трубецкому том своих рассказов. Через какое-то время художник книгу вернул.

— Ну, прочитали?

Да ну их! — простодушно ответил художник и махнул рукой.

— Вот вы, Павел Петрович, не хотите читать мои книги, а я ваши рисунки рассматриваю.

— Но ведь это не так длинно и гораздо интереснее.

С тех пор Толстой еще больше зауважал Трубецкого. Странно это. Толстой, несмотря на свое стремление к простоте, был очень гордым человеком.

Таким же гордым был толстовец № 1 Чертков. Тот самый, который сопровождал писателя в его последнем бегстве-путешествии.

В конце жизни Чертков стал благообразным старцем, внушающим благоволение

и умиление. Художнику Нестерову заказали портрет Черткова. Перед началом работы живо-

писца попытались проинструктировать, как следует изобразить старца.

 Не суйтесь не в свое дело! — грубо отрезал Нестеров. Он нарисовал Черткова жестким, властным стариком.

 Да это же какой-то Иван Грозный получился. Это неправда! Раньше он имел грех гордости. Теперь он совсем другой! Он — толстовец.

Я вижу, что Чертков нетерпимый, — ответил художник.

Все расстроились. Особенно разволновался сам Чертков. Он достал свои фотографии.

Вот посмотрите: тут я добрый, а тут я мягкий.

Нестеров молча вновь взялся за кисти. Переписал кресло, руку. Глаза вместо серых сделал синими. Но доброты не прибавилось. Старику Черткову стало жутко от того, что на всеобщее обозрение вынесен его жесткий нрав.

Хоть слезу на щеке нарисуйте, — взмолился он.

— Чего не видел, того написать не могу.

Почему был так суров Нестеров со своей моделью? Обижать он никого не хотел. Просто сказал убийственную правду. Лгать не умел.

Хочется в связи с этим пожалеть салонных портретистов. Рисуя слащавые заказные портреты, художники потихоньку начинают ненавидеть тех, кому вынуждены угождать. Творчество по определению должно быть правдиво. Правдиво внутренне.

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ

У многих художников были проблемы с признанием их творчества. И хотя у Микеланджело с признанием все было в порядке, его раздражали восторги перед извлеченными из земли античными обломками. Однажды рабочие нашли скульптуру без руки. Тут же собрались знатоки и

стали восторгаться: «О, какое божественное совершенство! Какая гармония! Разве современный скульптор сможет изваять подобное? Смотрите, нет одной руки. Она

от времени рассыпалась в прах. Это очень древняя вещь. Жаль, что рука утрачена».

 Вы правы, — сказал подошедший Микеланджело. — С двумя руками она выглядит лучше.

Он достал из-под плаща недостающую руку.

— Обманщик! — закричали все. — Это ты ее закопал! Зачем?!

— Чтобы послушать ваши восторженные отзывы о моей работе, — ответил художник.

Рембрандт — гений. Это теперь ясно всем. Современники так не считали, и художнику приходилось бедствовать. Одно время он питался только хлебом,

сыром и селедкой (в наши дни это, увы, для многих роскошь). Никто не покупал его вещей.

Чтобы хоть что-то продать, он пускался на всякие хитрости. Например, он отправлял своего сына Титуса искать покупателей. Тот показывал картины из-под полы и говорил: «Картины краденые. Достались мне нелегко». Иногда это помогало.

Однажды Рембрандт уехал, а сын объявил о смерти художника. Состоялись похороны. В землю опустили пустой гроб. Через час хлынули покупатели. За месяц удалось заработать две тысячи гульденов. Когда Рембрандт вернулся из Амстердама, то был очень доволен. Только сожалел, что «похороны» нельзя повторить несколько раз.

УЧЕБА И ТВОРЧЕСТВО

— Научить рисовать можно даже лошадь! — любил повторять художник-педагог Павел Петрович Чистяков. Сам он лошадей не учил. Наверное, не хотел мучить бедных животных. Зато многие его ученики сами стали великолепными художниками-педагогами. Среди них Репин и Серов.

У каждого педагога есть свои любимые приемы. Константин Коровин, к примеру, забавно ставил учебные постановки. На ноги обнаженной модели он надевал чулки, а руки прятал в варежки или за спину.

- Зачем это? спрашивали его.
- А чтобы пальчики не пересчитывали.

Дело в том, что между рисованием и срисовыванием есть принципиальная разница. Кто срисовывает, тот «мертвит» натуру.

Юный Архип Куинджи, будущий автор знаменитой «Лунной ночи над Днепром», решил учиться у Айвазовского. Он приехал в Крым. Ему разрешили жить в сарае. Иногда давали кое-какие хозяйственные поручения, но в мастерскую не пускали. Так прошло три месяца. Но тут все-таки ему дали краски.

— Приготовь колер, — сказали ему, — и покрась забор.

Собственно, на этом учеба и закончилась. Айвазовский не собирался плодить себе конкурентов.

Левитан учился в мастерской пейзажиста Саврасова.

— Где Левитан? — спрашивал Саврасов, входя в мастерскую. — Наверное, он снова влюблен. Ничего. Это хорошо. И без живописи хорошо.

Саврасов разворачивался к остальным студентам: «А вы что здесь собрались? Весна! В Сокольниках такие лужи, все расцветает! Берите краски и бегите туда скорее!»

В академии учеников Саврасова считали немного юродивыми: пейзажисты, одним словом. Студенты этим пользовались. Пришло время сдавать анатомию.

— Что вы знаете о человеческом черепе? — спросил профессор.

Будущие пейзажисты смотрели на череп и скорбно молчали.

- Что это такое? профессор постучал по черепу карандашом.
- Глаза.
- Тут раньше были глаза, а теперь глазные впадины. Ну-с, а теперь скажите, чем анатомически мужчина отличается от женщины?
 - Бородой.
 - М-да. Левитан, возьмите череп.
 - Не могу.
 - Почему не можете?
- Это ужасно. Это смерть! Я не могу видеть мертвых, покойников не могу!
- И зачем вас внесли в списки? недоумевал профессор. Вам природу надо писать. Сейчас май. Все расцветает. Идите.

ГЛАВКА ПОСЛЕДНЯЯ. ПЕЧАЛЬНАЯ

Английский художник Уильям Хогарт сидел с приятелем в кабачке, и вдруг в голову ему пришла странная мысль:

- Слушай, сказал он приятелю, хочу нарисовать конец всех вещей.
- Сложное это дело, ответил тот, изобразив всеобщий конец, ты должен бросить писать. Хуже того! Представив такую картину, ты сам должен преставиться.
 - Так и будет, убежденно заявил художник.

В своей картине он нарисовал массу погибших вещей. Среди них: разбитые бутылки, изодранный веник, сломанный лук, горящую карту земного шара, сломанную вывеску трактира «Светопреставление», развалившуюся башню и в довершение — сломанную палитру.

После завершения картины художник прожил еще месяц, но ни разу не брался ни за карандаш, ни за кисть. Не совсем понятно, то ли картина так подействовала на Хогарта, то ли взялся он за нее, предчувствуя конец. Этого не знает никто.

В уходе любого человека есть тайна. Печален был конец Левитана. Он впал в черную меланхолию.

— Я старая, никуда не годная галоша, — говорил он горько.

Его попытались утешить:

- Галоша может так ярко гореть!
- Да-да, согласился художник, горит она прекрасно, но страшно воняет.

Вскоре ему стало совсем плохо.

- Хотите, мы откроем окно?
- Зачем?
- Тепло. Воздух. Солнце.
- И солнце тоже лжет, ответил Левитан и отвернулся. Это были его последние слова. Почему-то мне они не дают покоя.

Смерть — всегда печальная разлука. Она сопровождается томлением души. Что ждет нас за таинственным порогом?

Пока были силы, Левитан писал свою картину «Озеро. Русь». Сам он считал ее незавершенной. Это самая радостная из всех картин Левитана. Синева этого холста поднимает дух. Как написаны домики на дальнем берегу! Это объемные куски цветной смальты! Как плывут в синем небе солнечные облака, как отражаются они в густой синеве воды!

Ну и чему же верить? Словам Левитана или его картине? Я верю живописи.

